

Куранты. — 1992. — 6 июня. — С. 7.

— Эльдар Александрович, вы один из тех немногих художников, кому в течение долгого времени удавалось выражать настроения общества. Что вы скажете сегодня, как вам живется?

— Живу с чувством смешанным. С одной стороны, я много работаю — вышла картина "Небеса обетованные", издали повесть "Предсказание", я вернулся на телевидение, занят постановкой нового фильма. Словом, ощущение нужности этому времени у меня есть, в отличие от немалого числа людей моего поколения, которые чувствуют себя выпрыгнутыми на обочину. С другой стороны, когда я читаю газеты, смотрю телевизор, то, как и, наверное, многих, меня охватывают горе и отчаяние, наступает какая-то депрессия при, повторяю, субъективном моем благополучии. Я страшно разочарован, я ощущаю себя песчинкой в этой пустыне, вернее, одной из песчинок. Кстати, если мои фильмы и смотрелись, то именно потому, что я всегда чувствовал себя частью огромного общего, называемого народом.

— Что вас особенно тревожит?

— В нашей жизни за последние 3—4 года так и не произошло главного — как государство, как нация не решились мы на глобальное отречение от коммунистической идеологии на всех уровнях общества. Конечно, указ Ельцина о запрещении действия КПСС — законен или нет — с точки зрения высшей морали абсолютно верен, и я просто преклоняюсь перед ним за этот шаг. Однако одного указа для одоления большевизма мало. Я даже считаю, что не так уж важно и проведение судебного процесса над КПСС, тем более что главные преступники давно в мавзолее, в Кремлевской стене и в других потусторонних местах, а здравствуют поныне отнюдь не отцы нашего рейка.

Прежде всего нужно осознать, что все мы заражены коммунистическим ядом, все без исключения, даже самые сверхдемократы. Чистеньких нет. И всем предстоит выдвигать ад из себя. Потребуются огромные внутренние усилия всех наций бывшего Союза и на всех уровнях — от президентов до рядовых жителей. Совершенно необходима широчайшая разъяснительная работа с людьми. К сожалению, как раз этого и не происходит. Путь мало что изменил в этом отношении, он просто катализировал некоторые процессы. Ситуация страшна еще и тем, что мы

честно вкалывающих, а их большинство, поднимающие голову коммунисты получают колоссальную подпитку, играя именно на ностальгических струнах.

— Но тому немало способствует и разочарование в действиях демократов, оказавшихся у власти.

— На мой взгляд, демократы совершили одну непоправимую ошибку морального плана. Они шли к власти и получили ее в значительной степени на отрицании всякого рода привилегий. А затем сами уселись в "членовозы" своих предшественников, в их кабинеты и кресла, заняли их дачи, квартиры, мне даже не хочется продолжать это перечисление. Моральный ущерб от всех этих действий просто невероятен — люди немедленно отождествили их с прежними "хозяевами жизни".

Говорят, политика всегда аморальна, но в нашей ситуации надо было быть очень последовательными и крайне щепетильными и ни в коем случае не становиться материальными наследниками коммунистов. Здесь надо было идти до конца. Казалось бы,

жесткими границами, но, разумеется, не столь резкими, как у коммунистов, к примеру: "кто не с нами, тот против нас". На мой взгляд, это должна быть социал-демократическая партия, мне это направление по духу ближе других. Кстати, мне кажется, что Ельцин и его команда в своей практике также ориентируются на него.

У этой партии должны быть свои лидеры, которые, если понадобится, могли бы заменить нынешних руководителей. Но опять беда — нет у нас крупных теоретиков социал-демократии. И вообще нет никакой идеологии. У коммунистов она была, пусть ложная, фальшивая, обманная, но была. А нынешние заявления о том, что мы хотим жить, как в Америке, разве они могут быть движущей пружиной общества, одухотворяющей его идеей?

— Проблема "власть и культура" — каким содержанием она для вас в данное время наполнена?

— По-моему, культура сейчас вообще никому не нужна, и власть здесь не исключение. Все занято одной мыслью — выжить, выжить и выжить. И

то прекрасно, и каждую из них можно считать почти подвигом режиссера. Ничего ведь нет — ни денег, ни пленки, ни бензина. А цены на все бешеные. Я, например, снимаю сейчас фильм по своей повести "Предсказание" — она была напечатана недавно в "Юности", — снимаю как бы "короткими перебежками", то есть получаю деньги на короткие периоды производства и не ведаю, сумею ли мы добраться до конца.

— Какой видится вам современная интеллигенция с разных точек зрения — политической, нравственной, творческой?

— По-моему, наша нынешняя творческая интеллигенция во многих отношениях не выдержала испытания свободой. Посему и наступил в ее среде жуткий разброд. Еще недавно все было ясно, ясно, где враг, ясно, что надо бить систему. Мы делали это — кто меньше, кто больше. Иногда удары заключались просто в раскованности поведения, свободе мысли, неукладывании в общепринятые параметры. Было трудно, мы боролись за каждую строчку, каждый кадр, каждую сцену в

вернулась от бед и проблем нашей жизни и бросилась на заработки за границу. Делают там любую "вампку" — лишь бы получить конвертируемую валюту. Чем с моральной точки зрения они отличаются от своих собратьев, которые прежде продавались режиму и обслуживали коммунистическую идеологию?

В итоге у меня складывается впечатление, что у нас интеллигенция, которой и раньше-то было мало, сейчас почти не осталось. Так, встречаются отдельные редкие особи. А сколько якобы интеллигентных людей, буквально уничтожил своим приездом и поведением во время путча Росгорович? Теперь биография многих явно "испорчена", ибо невольно меряешь по нему.

— На пороге нового столетия Россия вновь находится в мраке. Кто в том виноват и что нас ожидает?

— Я оптимист. И так можно выразиться, в стратегическом плане. Смотрю с оптимизмом, рассчитанным на долгие века.

В том, что случилось, виноваты прежде всего мы сами, и начинать нам надо, повторяю, с себя. Русский национальный характер — вещь, к сожалению, весьма неоднозначная. С милыми, прекрасными чертами — щедростью, беспашабишностью, храбростью, добротой — сосуществует немало качеств подлых и темных. Я принадлежу к этому народу, но слепо, как это было раньше, относиться к нему уже не могу. Когда-то я думал, что народ не может быть преступным, подлым, пошлым. Оказывается, может. В истории и в современности немало примеров. Говорят, что социализм испортил нас, но давайте вспомним историю: во времена Петра купец всучивает царю, ведущему войну, сырой порох. Как это называется? А ведь социализм тогда еще и не пахло.

Естественно, когда такой национальный характер скрестился с ленинской теорией и большевистской практикой, смесь получилась гремучая. Потребуется лет сто—двести, должно смениться не одно поколение, прежде чем впитаем мы понятия и ценности мировой цивилизации. Мы, конечно, выкарабкаемся, но довольно не скоро. Так что постоянно напрашивается некрасовское: "Жаль только, жить в эту пору прекрасную..."

А вот что произойдет в ближайшем будущем, не знаю. Чувствую только, что движение вперед пойдет мучительно, с отклонениями в сторону и, что вполне вероятно, откатами назад. Надо быть готовыми и к тому, что недобитые коммунистические силы могут спровоцировать людей на что-нибудь более серьезное, чем митинги или забастовки.

Интересно, что в свое время в фильме "Небеса обетованные" мне удалось кое-что предугадать в последующем течении нашей жизни. Например, сцена, как омововцы и танки громят поселок, была написана за год до событий в Вильнюсе, или эпизод, когда один из военных переходит на сторону народа, снимался за год до путча. Более того, когда я начинал съемки, то полагал, что делаю картину о маленькой прослойке нашего общества — о нищих. Сегодня же лента воспринимается как рассказ о судьбе народа. Я не считаю подобное предвидение своей особой заслугой, поскольку вовсе не думал так мрачно о нашей действительности. К сожалению, действительность "пошла" мне "навстречу" и сделанное в фильме оказалось пророческим. Но больше пророком быть не хочу.

Беседу вел Александр НИКОЛАЕВ. Фото Юрия РЯЗАНОВА.

В мрачных прогнозах сегодня недостатка нет. Эльдар РЯЗАНОВ — оптимист, верит, что рано или поздно выкарабкаемся мы из ямы. И вслед за Некрасовым сетует:

ЖАЛЬ ТОЛЬКО, ЖИТЬ В ЭТУ ПОРУ ПРЕКРАСНУЮ...

продолжаем растить и воспитывать детей по своему коммунистическому образу и подобию. До сих пор школьники учат биографию Ленина и декламируют на уроках: "Камень на камень, кирпич на кирпич..."

— А общество довольно равнодушно на это взирает. Более того, по мере падения уровня жизни социалистическое прошлое у все большего круга людей начинает окрашиваться в светлые тона.

— В значительной степени я связываю это с тем, что восприятие коммунистической идеологии как преступной еще не вошло в общественное сознание. Но здесь все обстоит гораздо тоньше и сложнее. У меня есть такие строчки: "Как раз на жизнь свобода опоздала!" Понимаете, на жизнь.

Сегодня произошла страшная вещь — как бы зачеркнутыми, прожитыми впустую оказались жизни громадного числа людей, тех, кто "шел на рекорды", "боролся за урожай", замерзал, мок под дождем, теснился в коммуналках, жил трудной, нищенской жизнью ради светлого будущего. И не только о стариках идет речь, к этой категории относятся люди немногим старше 45—50 лет. Сегодня им объяснили: "Лозунги ваши лживы, светлое будущее — выдумка кучки негодяев". Что же, человек должен сказать себе: "Я прожил жизнь напрасно, все мои труды, силы, беды, молодость, надежды — все бессмысленно?" Но ни один человек не способен перечертить свою жизнь, тут появляется естественная защитная реакция. И тогда не могут не возникнуть воспоминания о том, сколько было хорошего в его собственной, его единственной жизни: была любовь, рождались дети, получали квартиру, кому-то дали садовый участок, кто-то купил машину, кто-то за границу впервые поехал — вроде бы полноценная жизнь. А теперь говорят, что ее как бы и не было. И вот именно у этих людей, ни в чем не виноватых,

ошибки отдельных людей, а урон всей демократии нанесен огромный.

Испытание властью — штука нелегкая, тем более властью безнаказанной и бесконтрольной, какая сложилась на сегодня. У коммунистов была хотя бы видимость партийного контроля, теперь и ее нет. Тем более время пришло такое, когда господствует один-единственный идеологический постулат — о б о г а щ а т ь с я! А если учесть, что очень и очень многие из пришедших к власти чувствуют себя временщиками и стараются урвать побольше и побольше...

Вообще, если бы три года назад нам сказали, что начнется такой кошмар, такая неразбериха, сумятица, будут уничтожаться целые отрасли экономики, науки, искусства, кто бы в это поверил? Я, знаете, поймал себя на том, что о недавнем прошлом обычно говорю "в мирное время". В самом деле — война идет.

— Как вы оцениваете нынешнее политическое противостояние? Есть ли среди заявивших о себе общественных позиций такие, которые близки вам?

— Признаться, я плохо в этом разбираюсь. Пока я вижу, что у нас существует одна по-настоящему реальная политическая оппозиция — это пусть деморализованная, но вновь пытающаяся возродиться компартия. Она мне ясна, как ясны и прохановско-жиринское или куняевское направления. А вот почему вдруг передернулся демократическое движение, я не понимаю, как не понимаю, какие интересы выражают многочисленные карликовые партии вроде бы демократического толка. И мне от этого становится грустно, по-моему, это просто катастрофа, что вновь набирающим силу коммунистам противостоят этакое прогрессивно-аморфное и малоразумительное нечто. Совершенно необходимо создание оформленной демократической структуры с

потому на наших глазах происходит уничтожение многих культурных ценностей.

— Нередко приходится слышать сетования на какую-то особую глухоту нынешнего правительства, парламента к проблеме культуры.

— Старая истина — каждый народ имеет то правительство, которое он заслуживает. А наш народ — один из самых темных в мире. И амбициозные, некультурные его избранники — плоть от плоти этого народа. По-моему, депутатский корпус давно следует распустить. Мне иногда возражают, что, мол, коней на переправе не меняют. Глупая какая-то поговорка — а если конь дохлый? Разве может это служить оправданием, когда едешь на кляче задом наперед?

Ситуация с культурой очень тяжелая. Возьмем кино. Вы можете назвать виденные вами последние фильмы наших киностудий? Наверняка нет, ибо их не видел почти никто. И это при том, что в 90-м году было выпущено 400 (это вместо прежних ста пятидесяти!) фильмов. В чем дело? А в том, что начинали их делать году в 88—89-м, когда появилась масса различных категорий людей, которым надо было срочно "отмыть" деньги. Тут и партийные руководители, и шустрые комсомольцы, понявшие, что "пахнет керосином", и темные дельцы, и так далее. Вклад средств в кино — это способ идеальный, из жулика ты мгновенно превращаешься в уважаемого члена общества, в кинопродюсера. Причем их не интересовало ни качество, ни успех в прокате, ни даже прибыль. В итоге все осталось довольным — и дельцы, которые свои дела устроили, и режиссеры, особенно молодые, которым дали самовыразиться, и зритель, который всего этого дерьма не видел.

В 91-м году было выпущено 250 фильмов, ибо число партийных и иных нечестных денег не бесконечно. А вот если в этом году появятся 30—40 картин, то будет прос-

спектаке. Иногда приходилось обращаться к эзопову языку. Если говорить о себе, то, например, "О бедном гусаре замолвите слово" — это фильм о КПБ.

Именно потому, что я знаю, как нелегко все это давалось, я порой с возмущением воспринимал правооучения и советы, как надо было жить, со стороны тех, кто был в эмиграции. Конечно, такие люди, как Солженицын или Ростропович, имеют на это моральное право, но есть множество тех, кто такого права, с моей точки зрения, не имеет.

Тем, кого "выжили" из страны — а среди них мои друзья А. Галич, В. Войнович, В. Аксенов, — им было очень трудно, особенно невыносимо от мысли, что это навсегда. Но тем, кто оставался, было не легче, а в чем-то и труднее. Разве легко было Б. Ахмадулиной, Б. Окуджаве, Ф. Искандеру, А. Герману — можно назвать целую плеяду таких художников. Конечно, каждый из нас может предъявить себе немало упреков — да, осуждал, но на кухне, да, боролся, но на площади не вышел, да, когда-то пошел на компромисс ради сохранения книги или фильма. Но когда я слышу, как нас всех поучают небольшие еввики с Елисейских полей вроде Э. Лимонова, я думаю: "До чего же мы, ядрена вошь, дожили!"

Систему мы общими усилиями вроде бы распатали. Что дальше? У нас же, деятелей культуры, оппозиционный тип мышления, мы же привыкли в основном "бороться", а теперь враг размыт, расплывчат. В стране хаос, сумятица, многие растерялись, замолчали или, наоборот, разочаровались и как бы в обиду вновь бросились поносить всех и вся. Но все отрицать очень просто. Для меня это не позиция. Гораздо трудней, когда ты, как садовник, пытаешься взрастить дерево. Сейчас, мне кажется, именно такая пора пришла — мы должны научиться растить деревья.

Мы видим, что часть творческих работников вообще от-